

Н. Ашимбаева

ДВОЙНИК ИЛИ «ЗАСЛУЖЕННЫЙ СОБЕСЕДНИК»

Некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов А. А. Ухтомского на человека и его отношения с окружающим миром¹

«Двойник» и «заслуженный собеседник» — это, по определению знаменитого русского ученого-физиолога, создателя теории доминанты, Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942), полярные понятия, соответствующие противоположным человеческим характерам, наиболее ярко воплотившимся в художественном мире Достоевского. К пониманию этих характеров Ухтомский пришел и как ученый-физиолог, и как религиозный мыслитель, философ, проявившийся в этом качестве в своих научных трудах, а в большей степени в письмах, беседах с учениками, в записных книжках, служивших ему дневником с начала 1900-х гг. и почти до конца жизни (архив РАН, ф. 749), — в них содержится большое количество упоминаний о Достоевском, размышлений о его произведениях в контексте общих научных и философских идей ученого². Эта часть его наследия многие годы в значительной степени оставалась неопубликованной. В вышедших недавно книгах «Интуиция совести» (СПб., 1996) и «Заслуженный собеседник» (Рыбинск, 1997)³ эти материалы напечатаны; они дают возможность оценить глубину и универсальность личности А. А. Ухтомского. Современный исследователь справедливо пишет: «Ухтомский был человек уникальный <...>.

¹ Доклад прочитан 28 июля 1998 г. в Нью-Йорке на X Симпозиуме Международного общества Достоевского.

² В. Л. Меркулов напечатал в 1971 г. статью «О влиянии Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского» (Вопросы философии. 1971. № 11), где впервые были опубликованы некоторые материалы архива, содержащие высказывания о Достоевском.

³ В дальнейшем ссылки на эти книги — в тексте статьи, соответственно: ИС и ЗС (с указанием страницы).

По стилю мышления, по широте кругозора, по диапазону обобщений и остроте предвидения он был гениальным теоретиком в области гуманитарного знания»⁴.

С ранней юности Ухтомский находился в поисках ответов на «вековые», по слову Достоевского, вопросы. Об этом говорит и его биография: с 13 лет — обучение в кадетском корпусе в Нижнем Новгороде (который он закончил с блеском и мог, при своем аристократическом происхождении, сделать яркую военную карьеру); затем неожиданное (конечно, с внешней точки зрения) поступление в Московскую Духовную академию на словесное отделение, изучение философии, чтение трудов Владимира Соловьева. В это время он стоит перед решением: посвятить себя Церкви, стать монахом или выбрать научную стезю. Выбор был сделан в 1899 г., когда Ухтомский поступил в Петербургский университет, сначала на восточное, а через год на естественное отделение физико-математического факультета. С этого времени и до конца жизни он был связан с Петербургским-Ленинградским университетом, с кафедрой физиологии, где он начал работать под руководством проф. Н.Е.Введенского. После смерти Введенского в 1922 г. он эту кафедру возглавил и оставался на ней до конца жизни. Умер А.А.Ухтомский в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

В начале 20-х гг. он дважды подвергался арестам и кратковременному тюремному заключению. Первый раз в связи с арестом его родного брата Александра — епископа Уфимского Андрея (впоследствии погиб в заключении)⁵. Второй арест был связан с изъятием церковных ценностей. Ухтомский многие годы был старостой единоверческой церковной общины. Кстати, путь А.А. в его церковь часто лежал мимо дома, где жил последние годы своей жизни Ф.М.Достоевский: единоверческая церковь находилась на углу нынешней ул. Марата и Кузнечного пер. Жизнь ученого складывалась в процессе его выбора между мирским и церковным служением — проблема в духе романов Достоевского. Ухтомский прожил жизнь отшельником, никогда не имел семьи, но всегда вокруг него были ученики, людей притягивала его способность к духовному, интеллектуальному общению, «поверх» житейских и практических ежедневных проблем. В повседневной жизни он был непритязателен, аскетичен, всегда был готов прийти на помощь всякому, кто в ней нуждался. Из воспоминаний бывшей студентки кафедры физиологии А.В.Казанской мы узнаем, что он считал себя монахом в миру⁶.

На протяжении всей своей жизни Ухтомский стремился к глубокому синтезу, который охватывал бы и науку, и наиболее общие основы

⁴ Г.М.Цурикова. Из предисловия к книге: Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 3.

⁵ См. о нем: Нежный А. Князь Ухтомский. Епископ Андрей // Звезда. 1997. № 10. С. 5–37.

⁶ См.: А.А.Ухтомский в воспоминаниях и письмах. СПб., 1992. С. 58.

мировоззрения. Именно поэтому он не мог быть только ученым—естествоиспытателем, равно как не мог отказаться от науки, чтобы всецело уйти в жизнь Церкви (после пребывания в Иосифо–Волоколамском монастыре в течение полугода он окончательно решает, что монашество не его путь)⁷.

В главном открытии Ухтомского — учении о доминанте биологическое понимание законов поведения человека и его бытия в целом неразрывно связано с религиозно–нравственным, которое не только не входит в противоречие с первым, но оба эти подхода органически увязываются в единую концепцию человека как существа материально–духовного по своей природе. В Записной книжке 1920–29 гг. находим такую запись: «В Духовной академии у меня возникла мысль создать *биологическую теорию религиозного опыта*. При этом основой религиозного опыта заранее предполагалась известная физиологическая роль его, то есть а priori предполагался и затем разыскивался биологически целесообразный момент богопочитания» (ЗС. С. 133).

Таким образом, Ухтомский разомкнул пределы естественно–научного познания, очерченные классической наукой XIX века, и обозначил глубокое, универсальное единство телесно–духовной, нравственной природы человека. Учение о доминанте и сопутствующие этому учению идеи, родившиеся в процессе чисто физиологических, лабораторных исследований, сразу же приобрели для Ухтомского смысл закона, распространяющегося не только на физиологию, но и на психологию человека, на его творческую деятельность и общественное бытие. Ухтомский считал, что подлинная наука не может развиваться в каком–то отдельном русле. «Мы привыкли думать, — писал он, — что физиология — это одна из специальных наук, нужных для врача и не нужных для „выработки миросозерцания“. Но это ... неверно <...>. Теперь надо понять, что разделение „души“ и „тела“ — есть лишь исторические основания имеющий, психологический продукт, что дело „души“ — выработка миросозерцания — не может обойтись без законов „тела“ и что физиологию надлежит положить в руководящие основания при изучении законов жизни (в обширном смысле)» (ЗС. С. 43).

Изучая «законы жизни в обширном смысле», Ухтомский находил в произведениях русских писателей: Пушкина, Толстого, Салтыкова–Щедрина, Достоевского подтверждение этой органической связи «всего со всем». Литературные примеры Ухтомский нередко использовал в виде иллюстрации к своим идеям о доминанте. Так, А. В. Казанская вспоминала, как А. А. разбирал «страницу за страницей, как у Анны Карениной складывалась доминанта на самоубийство»⁸. Все студенты, проходившие летом 1923 г. практику в физиологической лаборатории

⁷ См.: Цурикова Г., Кузьмичев И. Странная профессия — писательство // Ухтомский А. А. Интуиция совести. С. 5–6.

⁸ А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах. С. 58.

Петергофа, прочли по настоянию Ухтомского «Братьев Карамазовых», а после этого А. А. «в своих беседах все чаще стал цитировать и разбирать отдельные страницы и целые главы из этого произведения, касаясь вопросов раздвоения личности и „заслуженного собеседника“».

Стоит остановиться на понятии доминанты, обратившись к одному из определений, данных самим Ухтомским. В *Записной книжке* находим такую характеристику доминанты:

«12 мая 1922. *Вознесение Господне*. Можно сказать, в нашем предметном мышлении *стадия доминанты* есть первая стадия всего прочего процесса. В это время наметившаяся доминанта привлекает к себе самые разнообразные возбуждения — все служит поводом к ее-возбуждению и подкреплению!»

«Вторая стадия будет уже стадией условного рефлекса, когда кора связывает с данной доминантой определяющую группу раздражителей <...> и с этого момента выделяет для нее определенный образ, определенную законченную вещь, законченное „слуховое или зрительное лицо“, которое отныне становится исключительным возбудителем данной доминанты и воспринимается как некоторая законченная в себе отдельность изо всей прочей реальности».

«Третьей стадией <...> будет то состояние, когда определенная группа внешних признаков <...> тотчас вызовет в центральной нервной системе ту доминанту, которая некогда вызвала к существованию данное индивидуальное лицо» (ЗС. С. 140–141).

Эти положения о стадиях доминанты в человеческой психике Ухтомский иллюстрировал примером из «Войны и мира», но такую же операцию можно проделать и по отношению к одному из произведений Достоевского, уже не прибегая к примерам, которые использовал сам Ухтомский. Едва ли не во всех своих произведениях Достоевский изображал героев с ярко выраженными и весьма многообразными по своей направленности доминантными состояниями психики.

Классическую картину развития доминанты можно найти в «Преступлении и наказании». В самом начале романа главный герой находится в состоянии формирования его преобладающей идеи. Вынашивая ее, Раскольников отбрасывает все, не имеющее отношения к тому главному, что всецело занимает его. В первых главах все впечатления, от самых случайных до значительных и важных, служат «поводом к возбуждению и подкреплению» доминантной идеи Раскольникова. Крик извозчика «Эй ты, немецкий шляпник!» (6; 7) заставляет его ужаснуться тому, что шляпа его слишком приметна, а не тому, что вид ее безобразен. Встреча с Мармеладовым в трактире, посещение его семьи, казалось бы, сильно отвлекли Раскольникова, но когда он остается один, вдруг возникает неожиданный вывод: «Ну а коли <...> действительно не *подлец* человек, весь вообще, весь род то есть человеческий, то значит, что остальное все — предрассудки, одни только страхи напущенные, и нет никаких преград, и так тому и следует быть!...» (6; 25).

Чему следует быть? — ответ не во внешних событиях, участником которых был Раскольников, а в том, что внутри него; этот вывод является возвращением к прерванному внутреннему диалогу. События, *вопреки внешней логике*, лишь подкрепили доминанту. И далее это происходит неудержимо. Письмо матери с известием о готовящемся браке Дуни, встреча на Конногвардейском бульваре с девочкой, сон о забитой лошади, случайная встреча на Сенной, где он услышал разговор Лизаветы и мещанина и узнал, что завтра «в сегом часу» старуха будет одна, наконец, услышанный «месяца полтора назад» разговор студента и офицера в трактире о старухе, Лизавете и о том, чтобы, убив старуху, использовать ее деньги на «тысячи добрых дел», — все «работает» на доминантную идею, которая не только не ослабевает, но укрепляется и обретает настоящую власть над Раскольниковым. Его сознание безотчетно избирает из всего многообразия действительности только то, что соответствует его доминанте. Вот конкретное литературное воплощение того, что Ухтомский определил как первую стадию доминанты. Любопытно, что слитный шум жизни, обрывки речей и все многообразие звуков (которые он слышал и воспринимал избирательно, как бы для развития своей «идеи») — внезапно умолкают, наступает мертвая тишина и опустошение, когда доминанта получила действенное разрешение в преступлении. Наступает вторая стадия. Теперь убийство, совершенное им, стало для Раскольникова «определенной завершенной вещью», к которой он неудержимо влечется уже как к результату, почти забыв про ту цель, ради которой оно было совершено.

И, наконец, в каторге, после болезни, он видит сон, наподобие бреда, о людях, одержимых злыми духами, в котором неожиданно узнает все, что вызвало некогда к жизни его идею-доминанту — именно потому этот сон так «грустно и мучительно» отозвался в его душе. Так идея Раскольникова прошла весь цикл развития, в полном согласии с учением о доминанте, применительно к психике человека.

Кстати, теория доминанты Ухтомского едва ли не сформулирована героем «Подростка» Васиным в его рассуждении об «идее-чувстве» (речь идет об идее Крафта о второстепенном значении России; в возникшем споре его никто не понимает): «Тут, очевидно, недоумение, — ввязался вдруг Васин. — Ошибка в том, что у Крафта не один логический вывод, а, так сказать, вывод, обратившийся в чувство. Не все натуры одинаковы; у многих логический вывод обращается иногда в сильнейшее чувство, которое захватывает все существо и которое очень трудно изгнать или переделать. Чтоб **вылечить** такого человека, надо в таком случае изменить самое это чувство, что возможно не иначе как заменив его другим, равносильным. Это всегда трудно, а во многих случаях невозможно. <...> Люди очень разнообразны: одни легко переменяют чувства, другие тяжело» (13; 46). Это замечательное высказывание представляет, конечно, результат размышлений Достоевского над природой всякой идейной одержимости, и его можно рассматривать как

догадку о ее психофизиологической природе. Не случайно Ухтомский так любил обращаться к произведениям Достоевского: разными путями, но ученый и художник пришли к общим выводам.

Доминанты являются неотъемлемыми спутниками жизни людей, без них невозможна никакая концентрированная, направленная созидательная деятельность. Идеи, страсти, творчество требуют фокусированности на объекте стремлений; они доминантны по своей природе. В *Записной тетради* 1923 г. находим такую запись: «Безынтегральное и бездоминантное отношение к среде переживается нами как бесформенный поток ощущений, в котором не разберешь, что тут вносится нашими внутренними процессами, что приходит в самом деле извне. Такое состояние бесформенного душевного переживания бывает в нас, когда мы иногда проснемся темной ночью и прислушиваемся к неясному трепетанью приходящих впечатлений. <...>» и далее цитирует Пушкина: «Парки бабье лепетанье, // Спящей ночи трепетанье, // Жизни мышья беготня...» (ЗС. С. 153).

Кстати, такое полуреальное, «безынтегральное» состояние психики описано у Достоевского в том сне Раскольникова, который он видит перед убийством (Африка, оазис, вода ручья, которая бежит по разноцветным камням (см.: 6; 56; на переключку мотивов этого сна с «Тремя пальмами» Лермонтова указал Р. Г. Назиров⁹). Этот сон связан с напряжением, переживаемым Раскольниковым, и может быть истолкован как отрицание его доминанты, безотчетное стремление от нее освободиться. Кстати, и мотив сна-забвения в лирике Лермонтова имеет сходное значение. Вероятно, и с биологической точки зрения можно объяснить такие состояния как временный отдых, временное освобождение от неподвижной идеи, принимающей болезненный и непереносимый для психики характер.

Способность человека к динамической смене доминант определяет гибкость его психики, ее творческий потенциал, а отсутствие, затухание доминант, омертвление ведет к застою, к энтропии, к тому, что можно определить как «смерть при жизни» (таковы герои «Мертвых душ»). Доминанты небезразличны в плане этики. Пример с Раскольниковым служит тому ярким доказательством, как и другие, которых немало в произведениях Достоевского: игрок Алексей Иванович, Рогожин, Кириллов, Петр Верховенский, Аркадий Долгорукий и др. — все они, каждый по-своему, находятся под властью некоей преобладающей над прочими установки, имеющей тенденцию заслонить «живую жизнь». Всякого рода одержимость, фанатизм, страсти, затмевающие разум, двойственны по своей природе: это и результат действия определенных физиологических механизмов, и своего рода духовный недуг, с которым человек может и должен бороться. Возможность объяснения механизма

⁹ См.: Назиров Р. Г. Реминисценция и парафраза в романе «Преступление и наказание» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 94–95.

действия страстей не дает основания считать их чем-то роковым и неизбежным, против чего нет никаких средств борьбы. Напротив, Ухтомский был убежден, что *природа человека «делаема»* и что можно и необходимо воспитывать свои доминанты. Как и Достоевский, Ухтомский никогда не соглашался с детерминированностью человеческой природы, ее обусловленностью биологическими или социальными причинами, с формулой «среда заела».

Непосредственным выводом из теории доминанты явилась любимая мысль Ухтомского о «заслуженном собеседнике», оформившаяся в процессе размышлений над «Двойником» Достоевского, к которому он особенно часто обращался. Из письма к В.А.Платоновой (весна 1918 г.): «...Читали ли Вы „Двойника“ Ф.М.Достоевского? Странный рассказ юношеского периода его писательства. Я с удивлением читал потом в отрывках вновь найденных дневников Достоевского, что, по его убеждению, это одна из наиболее важных для него тем, которою он болел с первых лет писательства <...> Я стал давно ... вдумываться, в чем тут корень задачи, мучившей Достоевского. И, кажется, постепенно это раскрылось. Знаете ли, что, может быть, труднее всего освободиться от Двойника, от автоматической склонности видеть в каждом встречном самого себя, свои пороки, свои недостатки, свое тайное уродство; но труднее — освободиться от постоянного сопровождения своим Двойником! И только с этого момента, как преодолен будет Двойник, открывается свободный путь к собеседнику!

<...> И тысячи народа шли тогда к этому „понимателю“, тысячи собеседников со всех концов норовили войти в сообщение с таким собеседником, научившимся видеть и слышать приходящего собеседника, помимо отброшенного Двойника»¹⁰.

Мысли о тесной связи проблемы «двойника» и «заслуженного собеседника» развиты подробно в письмах к Е. И. Бронштейн-Шур, особенно в письме от 3 апреля 1927 г., написанном на другой день после доклада «Доминанта как принцип поведения» (см.: ИС. С. 248–252). Ухтомский писал о том, что существует «закон заслуженного собеседника», обладающий некоторым универсальным для сферы человеческого общежития смыслом, который великолепно можно подтвердить содержанием произведений Достоевского. Так, «Кроткая» представляет в этом отношении один из самых интересных примеров, именно потому, что она построена на противопоставлении внутреннего монолога (или диалога с самим собой) — несостоявшемуся подлинному диалогу между главным героем и его женой. Утверждая свою власть над женой, свое превосходство, он навсегда погубил ростки доверия, общительности, диалога. Они с женой не только не стали друг для друга «заслуженными собеседниками», но отчуждение, одиночество вдвоем, глухая борьба в полном молчании стали для них повседневностью и привели к гибели Кроткую.

¹⁰ Цит. по: Меркулов В. Л. Указ. соч. С. 117 (приводится выдержка из черновика несостоявшегося письма).

Любимыми примерами героев, преодолевших «двойника» и воспитавших в себе «доминанту на лицо другого», были для Ухтомского Тихон и Зосима. Способность к диалогу, к пониманию другого он считал одним из лучших и благороднейших проявлений человеческой природы. С понятием «заслуженный собеседник» связано и из него вытекает другое — «доминанта на лицо», которая несовместима, по Ухтомскому, с разными фантомами идеологического плана, «доминантными абстракциями» (Великий Инквизитор). Итак, отказ от эгоцентризма, *диалог* — вот ценностные ориентации личности, благодаря которым жизнь может получить новый смысл и красоту.

Мысли Ухтомского о Достоевском органично вписывались в его мировоззрение, опиравшееся на христианское святоотеческое предание, на достижения русской и европейской науки и глубоко соотносившееся с современной философской мыслью. Проблемы «диалога» разрабатывались в это время немецкой философской школой «диалогистов». Современный исследователь считает, что «...центральный тезис диалогического мышления XX в. (западного и русского) — „утверждение Ты в качестве этического требования“, <ссылка на Casper Bernard>, в русском ивановском варианте: „ты еси“ <Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия>»¹¹. Идеи диалога в России в это время разрабатывались в трудах М. М. Бахтина и прежде всего — в книге о Достоевском.

Об определенных философско-терминологических связях Ухтомского и Бахтина стоит сказать особо. Сегодня термины «хронотоп», «диалог», «полифония», прочно связаны с именем Бахтина. Но философские проблемы соотношения пространства и времени, диалога, многозвучия, «полифонизма» действительности постоянно были предметом раздумий Ухтомского. Остановимся на термине «*хронотоп*», который часто встречается в переписке Ухтомского, в записях для себя, в научных статьях. Возможно, что импульсом к разработке Бахтиным поэтики *хронотопа* послужили именно идеи Ухтомского, доклад которого о хронотопе в биологии Бахтин слушал летом 1925 г., о чем он счел нужным сделать примечание в своей статье «Формы времени и хронотопа в романе». Бахтинский «*хронотоп*» — это прежде всего принцип поэтики. Ухтомский понимает «*хронотоп*» как экзистенциальные, неизбежные условия бытия каждого человека. Это — бытийная, экзистенциальная универсалия. Именно этот философский смысл звучит в одном из писем Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур: «Да, вот он — хронотоп в своей страшной реальности, в которой предопределяются количественные связи истории и человеческого бытия; где пространственные определения связаны неразрывно со временем; где траектории, или „мировые линии“, предопределяют события так же, как уравнение кривой предопределяет координаты точек, которые на этой кривой лежат; и где событие, как раз навсегда неизменный и роковой факт,

¹¹ Махлин Вл. Немецкий Кьеркегор // Философские науки. М., 1995. № 1. С. 159.

предопределяет дальнейшее течение во времени, — прибавлю я от себя» (ИС. С. 274).

«Хронотон» Ухтомского сродни образу природы как безжалостной и безличной машины, неотвратимо поглощающей все живое, который рисует Ипполит Терентьев или которую подпольный человек уподобляет неумолимому закону «дважды два — четыре». И так же как Достоевский, Ухтомский верил, что природный детерминизм может быть преодолен духовным усилием человека, его желанием и способностью вырваться за пределы собственного «я».

Глубинные точки соприкосновения взглядов Ухтомского и Бахтина или, точнее, некоторые совпадения в важнейших понятиях, в терминологии, были замечены и ранее, но носили характер фиксации, дальше которой никто из исследователей не пошел, хотя эти совпадения весьма многозначительны и указывают на определенное влияние научных и философских взглядов Ухтомского на Бахтина. Интересно замечание известного критика И. Дедкова в опубликованных недавно его заметках из записной книжки: «Читал А. А. Ухтомского о доминанте и думал, что М. М. Бахтин с пользой для себя слушал в свое время этого человека, и дело не только в понятии „хронотона“; у Бахтина, мне кажется, откликнулось, отозвалось кое-что из внутреннего пафоса и даже стиля Ухтомского; во всяком случае, ощущение незаконченности и беспрестанного свободного, всепреодолевающего движения научной мысли»¹².

Глубокий динамизм мировоззрения Ухтомского, отталкивание от всяческой застылости, омертвелости в отношении к действительности — одна из главных черт и его представлений о внутреннем мире человека, который мыслится в постоянном процессе становления. Потребность в диалоге, так остро выраженная Ухтомским, была для него не только знаменем эпохи общественных потрясений, революции, войн, следствием которых был распад связей, общественное одичание, но рассматривались им «под знаком вечности» — как и Достоевским. И хотя можно указать много пунктов расхождения по отношению к явлениям общественной и церковной жизни между ученым и писателем, но это отдельная тема, заслуживающая специального рассмотрения, которая не укладывается в рамки, обозначенные темой данного доклада.

Существующая недооценка значения взглядов Ухтомского для более глубокого постижения творчества Достоевского и его влияния на научные взгляды Бахтина представляется несправедливой. Широко используемые в науке термины *хронотон*, *диалог*, *полифония* должны быть откорректированы и развиты с учетом взглядов Ухтомского, а термин *доминанта* должен быть внесен в специальные философские и литературоведческие справочники и энциклопедии.

¹² Дедков И. Обессоленное время // Новый мир. 1988. № 6. С. 141.